

М.И. Цветаева

Маяковскому

1

Чтобы край земной не вымер
Без отчаянных дядей,
Будь, младенец, Володимир:
Целым миром володей!

2

Литературная — не в ней
Суть, а вот — кровь пролейте!
Выходит каждые семь дней.
Ушедший — раз в столетье

Приходит. Сбит передовой
Боец. Каких, столица,
Еще тебе вестей, какой
Еще — передовицы?

Ведь это, милые, у нас,
Черновец — милюковцу:
«Владимир Маяковский? Да-с.
Бас, говорят, и в кофте

Ходил»...

Эх, кровь-твоя-кровца!
Как с новью примириться,
Раз первого ее бойца
Кровь — на второй странице
(Известий.)

3

«В гробу, в обыкновенном
темном костюме, в устойчивых,
грубых ботинках, подбитых желе-
зом, лежит величайший поэт
революции».

(«Одnodневная газета»
24 апреля 1930 г.)

В сапогах, подкованных железом,
В сапогах, в которых гору брал —
Никаким обходом ни объездом
Не доставшийся бы перевал —

Израсходованных до сиянья
За двадцатилетний перегон.
Гору пролетарского Синая,
На котором праводатель — он.

В сапогах — двустопная жилплощадь,
Чтоб не вмешивался жилотдел —
В сапогах, в которых, понаморщась,
Гору нес — и брал — и клял — и пел —

В сапогах и *до* и *без* отказа
По невспаханностям Октября,
В сапогах — почти что водолаза,
Пехотинца, чище ж говоря:

В сапогах великого похода,
На донбассовских, небось, гвоздях.
Гору горя своего народа
Стапятидесяти (Госиздат)

Миллионного... — В котором роде
Своего, когда который год:
«Ничего-де своего в заводе!»
Всех народов горя гору — вот.

Так вот в этих — про его Рольс-Ройсы
Говорок еще не приутих —
Мертвый пионерам крикнул: Стройся!
В сапогах — *свидетельствующих*.

4

Любовная лодка разбилась о быт

И полушки не поставишь
На такого главаря.
Лодка-то твоя, товарищ,
Из какого словаря?

В лодке, да еще в любовной
Запрокинуться — скандал!
Разин — чем тебе не ровня? —
Лучше с *бытом* совладал.

Эко новшество — лекарство
Хлещущее, что твой кран!
Парень, не по-пролетарски
Действуешь — а что твой пан!

Стоило ж в богов и в матку
Нас, чтоб — кровь, а не рассвет! —
Класса белую подкладку
Выворотить напослед.

Вроде юнкера, на Тóске
Выстрелившего — с тоски!
Парень! не по-маяковски
Действуешь: по-шаховски.

Фуражечку б на бровишки
И — прощай, моя джаным!
Правнуком своим проживши,
Кончил — прадедом своим.

То-то же, как на поверку
Выйдем — стыд тебя заест:
Совето-российский Вертер.
Дворяно-российский жест.

Только раньше — в околодок,
Нынче ж...
— Враг ты мой родной!
Никаких любовных лодок
Новых — нету под луной.

5

Выстрел — в самую душу,
Как только что по врагам.
Богоборцем разрушен
Сегодня последний храм.

Еще раз не-осекся,
И, в точку попав — усоп.
Было стало-быть сердце,
Коль выстрелу следом — стоп.

(Зарубежье, встречаясь:
«Ну, казус! Каков фугас!
Значит — тоже сердца есть?
И с той же, что и у нас?»)

Выстрел — в самую точку,
Как в ярмарочную цель.
(Часто — левую мочку
Отбривши — с женой в постель.)

Молодец! Не прошибся!
А женщины ради — что ж!
И Елену паршивкой
— Подумавши — назовешь.

Лишь одним, зато знатно,
Нас лефовец удивил:
Только вправо и знавший
Палить-то, а тут — слевил.

Кабы в правую — свёрк бы
Ланцетик — и здрав ваш шеф.
Выстрел в *левую* створку:
Ну в самый-те Центропев!

6

Зерна огненного цвета
Брошу на ладонь,
Чтоб предстал он в бездне света
Красный как огонь.

Советским вельможей,
При полном Синоде...
— Здорово, Сережа!
— Здорово, Володя!

Умаялся? — Малость.
— По общим? — По личным.
— Стрелялось? — Привычно.
— Горелось? — Отлично.

— Так стало быть пожил?
— Пасс в нек'тором роде.
...Негоже, Сережа!
...Негоже, Володя!

А помнишь, как матом
Во весь свой эстрадный
Басище — меня-то
Обкладывал? — Ладно

Уж... — Вот-те и шляпка
Любовная лодка!
Ужель из-за юбки?
— Хужей из-за водки.

Опухшая рожа.
С тех пор и на взводе?
Негоже, Сережа.
— Негоже, Володя.

А впрочем — не бритва —
Сработано чисто.
Так стало быть бита
Картишка? — Сочится.

— Приложь подорожник.
— Хорош и коллодий.
Приложим, Сережа?
— Приложим, Володя.

А что на Рассее-
На матушке? — То есть
Где? — В Эсэсэсере
Что нового? — Строят.

Родители — рóдят,
Вредители — точут,

Издатели — водят,
Писатели — строчут.

Мост новый заложен,
Да смыт половодьем.
Все то же, Сережа!
— Все то же, Володя.

А певчая стая?
— Народ, знаешь, тертый!
Нам лавры сплетая,
У нас, как у мертвых,

Прут. Старую Росту
Да завтрашним лаком.
Да не обойдешься
С одним Пастернаком.

Хошь, руку приложим
На ихнем безводье?
Приложим, Сережа?
— Приложим, Володя!

Еще тебе кланяется...
— А что добрый
Наш Льсан Алексаныч?
— Вон — ангелом! — Федор

Кузьмич? — На канале:
По красные щеки
Пошел. — Гумилев Николай?
— На Востоке.

(В кровавой рогоже,
На полной подводе...)
— Все то же, Сережа.
— Все то же, Володя.

А коли все то же,
Володя, мил-друг мой —
Вновь руки наложим,
Володя, хоть рук — и —

Нет.
— Хотя и нету,
Сережа, мил-брат мой,
Под царство и *это*
Подложим гранату!

И на раствороженном
Нами Восходе —
Заложим, Сережа!
— Заложим, Володя!

7

Много храмов разрушил,
А этот — ценней всего.
Упокой, Господи, душу усопшего врага твоего.

Савойя, август 1930